

МОРФОЛОГИЯ

МОРФОЛОГИЯ в языкознании, 1) принадлежащие языку системы форм изменяемых (спрягаемых и склоняемых) [слов](#), а также система механизмов языка, регулирующих правила построения и понимание его слов ([словоформ](#)). 2) Раздел [грамматики](#) (см. во 2-м значении), изучающий функционирование и развитие этих систем. Основная единица М. — слово как единица языка, в которой слиты воедино звуковой материал, лексич. значение и формальные грамматич. характеристики (последние находятся в центре внимания М.). В задачи М. входят: определение слова как особого языкового объекта и описание его внутр. структуры (образующих его [морфем](#), их звукового состава, порядка следования и т. п.); изучение изменения слов как средства выражения [грамматических значений](#), за которыми стоят абстрактные языковые отношения [напр., за рус. формой род. п. стоит отношение принадлежности («книга брата», «квартира родственников», за формой прилагательного — отношение признака к предмету («тенистый сад», «суровый взгляд»)]. Соответственно в М. выделяют 2 области: т. н. формальную морфологию, или [морфемистику](#), осн. объектами исследования которой являются слово и морфема, и грамматич. [семантику](#) (функциональную М. в терминологии А. В. [Бондарко](#)), изучающую морфологич. грамматич. значения, выражающиеся в системе морфологич. [грамматических категорий](#) (т. е. морфологически выражаемое словообразование и словоизменение языков мира).

В разных лингвистич. традициях объём и характер задач морфологич. описания различаются. Так, иногда в М. не включают грамматич. семантику, оставляя за ней лишь ту часть морфемистики, которая занимается описанием звуковой оболочки морфем, правил их чередования и линейного расположения в словоформе ([морфонологию](#)).

С др. стороны, грамматич. семантика в разл. теории М. также включается в разном объёме. Наиболее принято рассмотрение в рамках М. только [словоизменения](#); такое её понимание, при котором она фактически сводится к формальному и содержательному описанию [парадигм](#) склонения и спряжения, было свойственно ещё [античной языковедческой традиции](#) и унаследовано большинством европ. лингвистич. школ. При этом вплоть до нач. 20 в., а нередко и позднее, раздел «М.» традиц. описат. грамматики содержал только сведения о правилах образования соответствующих [грамматических форм](#), а информацию об их значении следовало искать в разделах об употреблении падежных или временных форм, которые входили в синтаксич. часть описания. В совр. грамматиках информацию о значении морфологич. грамматич. категорий уже практически безоговорочно принято помещать в морфологич. часть.

Долгое время задачей М. не считалось [словообразование](#) на том основании, что словообразоват. грамматич. значения в классич. индоевропейских языках (служивших базой для [европейской языковедческой традиции](#)) не образуют парадигм и отличаются меньшей системностью и регулярностью, чем словоизменит. значения. Оно либо включалось в [лексикологию](#) (т. е. считалось чисто словарной задачей, требующей индивидуального описания каждого слова), либо выделялось в отд. область. Именно так трактуется словообразование и во всех существующих академич. грамматиках рус. языка, в которых М. включает только описание словоизменения — как в формальном, так и в содержательном аспекте. Такой взгляд на него в определённой степени мотивирован особенностями словообразования отд. языков (в т. ч. русского), но он не может претендовать на

универсальность. Существуют языки, в которых словоизменение и словообразование противопоставлены весьма слабо (большинство [агглютинативных языков](#)); в которых словоизменит. М. отсутствует (соответствующие значения могут выражаться, напр., аналитич. средствами; см. [Аналитизм](#), [Аналитические языки](#)), а словообразоват. М. развита. Для всех таких языков исключение словообразования из морфологич. описания нецелесообразно, а часто и практически невыполнимо. Поэтому в совр. теориях языка наиболее распространена концепция, согласно которой в М. включается описание всех значений, для выражения которых применяются внутрисловные механизмы (аффиксация, [чередования](#) и др.) независимо от их грамматич. статуса.

Выделяют общую (теоретическую) М. и частные М. отд. языков. Исследование изменения форм и значений отд. морфем, историч. развития структуры слова, механизмы [упрощения](#), [переразложения](#), выравнивания по аналогии, возникновение новых и исчезновение старых грамматических категорий относятся к области исторической морфологии.

В морфологич. исследованиях применяются разл. методы, напр. методы [дистрибутивного анализа](#) (З. З. Харрис; США), эксперим. методы, использующие приёмы добавления, опущения, замещения («субституции», «коммутации») [Л. [Блумфилд](#), Ч. К. Фриз (США), А. М. [Пешковский](#), Лу Чживэй (Китай), Дж. Х. [Гринберг](#) и др.], анализ по непосредств. [составляющим](#), [трансформационный метод](#). В теоретич. М. важное место занимают поиски морфологич. универсалий и фреквенталий (явлений, свойственных не всем, но многим языкам), а также тенденций функционирования и развития морфологич. структуры слова, свойственных всем или многим языкам (Гринберг, Б. А. [Успенский](#), Б. А. [Серебренников](#), С. Е. [Яхонтов](#)). Метод постулирования условной (глубинной) морфонологич. транскрипции словоформ и формулировки правил перехода от этой исходной репрезентации (условного представления) к фонетич. записи, восходящий к грамматике Панини, был развит в классич. работах Блумфилда и Р. О. Якобсона, а затем усовершенствован в отеч. и зарубежных исследованиях по трансформационной грамматике.

Значимость для того или иного языка М. как особого раздела грамматики (наряду [с синтаксисом](#)) зависит от того, насколько чётко противопоставлены в нём слово и морфема. Она велика для [синтетических языков](#), в которых элементы слова (морфемы) связаны друг с другом гораздо более жёсткими и прочными связями, чем элементы предложения (словá), и не обладают синтаксич. самостоятельностью, т. е. части слова не могут в синтаксич. отношении вести себя так же, как слова. К таким «словесным» языкам относятся, напр., классич. индоевропейские языки – лат., др.-греч., литов., русский и др. Однако далеко не для всех языков морфологич. («словесный») компонент описания одинаково важен. Всё зависит от того, насколько чётко в данном языке выделяются словоформы. Так, в агглютинативных языках (тюркские, японский, бирманский, дравидийские и др.) части слова проявляют тенденцию к большей самостоятельности, что делает границу между словом и морфемой менее чёткой. В [полисинтетических языках](#) (эскимосские, чукотско-камчатские, мн. индейские) внутри- и межсловные связи плохо различаются за счёт сильной скреплённости слов (что приводит к образованию сложных слов, в т. ч. путём [инкорпорации](#), и слов-предложений значит. длины, а также к чередованиям на межсловной границе, затрудняющим отделение одного слова от другого). В [изолирующих языках](#) (вьетнамский, тайский и др. языки Юго-Вост. Азии, йоруба, манинка и др. языки Зап. Африки) слова как морфемные комплексы практически отсутствуют (всякая морфема является корнем и способна к самостоят. употреблению, показателей грамматич. значений практически нет, а предложения строятся не из слов, а сразу из морфем). В аналитических языках (океанийские, некоторые крупные языки Зап. Африки, в т. ч. хауса, сонгай, ряд совр. индоевропейских

языков – французский, английский и др.) грамматич. показатели являются самостоят. словами, а не морфемами (аффиксами), и грамматич. значения выражаются синтаксически (с помощью разного рода конструкций). В языках этих типов М. в собственном смысле в той или иной степени уступает место морфосинтаксису (синтаксису морфем, включающему правила сочетания и расположения клитик, служебных и вспомогат. слов, построения аналитич. форм), комплексы морфем (слова) и комплексы слов (предложения) часто могут быть описаны в сходных или близких терминах.

Формальная М. – одна из наиболее традиц. областей науки о языке. Как раздел описат. грамматики она возникла одновременно с античной языковедч. традицией. Различные концепции М. (часто с включением и незначит. элементов грамматич. семантики) были выработаны также в арабской (см. Арабистика) и индийской языковедческой традиции (опиравшихся на языки с богатым морфемным репертуаром). Так, к античной традиции восходят такие понятия, как часть речи (см. Части речи), парадигма, склонение, спряжение, категория, к арабской – понятие корня, к индийской – мн. элементы теории звуковых чередований и морфологич. варьирования. В эпоху Возрождения начинает вырабатываться система понятий, относящихся к структуре слова («корень», «аффикс», «суффикс» в др.-евр. грамматике И. Рейхлина, 1506). Сами термины «М.» и «морфема» (как осн. единица морфологич. уровня) пришли в языкознание во 2-й пол. 19 в.: термин «М.», предложенный И. В. Гёте для описания «форм» живой и неживой природы (и с тех пор используемый во многих естеств. науках), был заимствован языковедами в период господства натуралистического направления в языкознании, сторонники которого (А. Шлейхер и др.) считали, что язык следует описывать по аналогии с живыми организмами. До этого соответствующие разделы описат. грамматик обычно носили назв. «этимология».

Возникновение сравнительно-исторического языкознания и науч. этимологии, тщательная обработка огромного языкового материала у младограмматиков (см. Младограмматизм) подготовили почву для теоретич. осмысления осн. понятий М. в структурной лингвистике 20 в. Сторонниками пражской лингвистической школы и близкими к ней учёными (Б. Гаверанеком, С. О. Карцевским, В. Матезиусом, В. Скаличкой, Б. Трнкой, Н. С. Трубецким, Р. О. Якобсоном и др.) многое сделано для исследования семантики морфологич. категорий. В работах Якобсона [«Zur Struktur des russischen Verbums» (1932) и «Beitrag zur allgemeine Kasuslehre» (1936)] к анализу морфологич. категорий впервые применён родившийся в фонологии метод противопоставления (оппозиции) языковых единиц. Анализ по оппозициям, распространённый на изучение категорий глагола и имени (падеж), дал возможность всесторонне изучить значения осн. грамматич. категорий, выделить их общие (инвариантные) и частные (обусловленные контекстом) значения. Метод оппозиц. анализа прочно утвердился во многих совр. грамматич. исследованиях.

В отеч. языкознании большое внимание уделяется поискам объективных («формальных») критериев разграничения и классификации единиц М.; большую роль в этом сыграли работы Ф. Ф. Фортулатова и его учеников (Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушакова, М. Н. Петерсона, Г. О. Винокура, А. М. Пешковского), дискуссия между сторонниками «формальной грамматики» (последователями Фортунатова; см. Московская фортулатовская школа) и её критиками (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов) о соотношении «формальных классов» слов и частей речи. Фортунатовские традиции изучения М. (учение о грамматич. форме, о соотношении словоизменения и словообразования) во многом продолжены и развиты в 1940–50-х гг. В. Н. Сидоровым, П. С. Кузнецовым, А. А. Реформатским. Большой вклад внесён в решение проблемы синтагматич. и парадигматич. идентификации единиц М. – слова (А. И. Смирницкий, Кузнецов, Ю. С. Маслов, С. Е. Яхонтов) и морфемы (Г. А. Климов, Н. Д.

[Арутюнова](#), Е. С. Кубрякова). Принципы морфологич. анализа на материале «дефектно членимых» слов рус. яз. разработаны в трудах Винокура, Смирницкого, М. В. [Панова](#), применительно к материалу англ. яз. эти вопросы рассмотрены в [дескриптивной лингвистике](#). В работах А. А. [Зализняка](#) «Русское именное словоизменение» (1967) и «Грамматический словарь русского языка» (1977), основанных на применении точных методов в описании рус. М., созданы системы правил, позволяющих построить полную парадигму любого слова рус. языка. Во 2-й пол. 20 в. в русистике расширился круг исследований морфологич. форм в аспекте их семантики и функций (функционально-грамматич. категории). Центральное для данного направления, развиваемого в работах А. В. Бондарко, М. А. Шелякина и др., – исследование морфологич. явлений как средств для передачи определённого содержания.

Литература

Лит.: Дурново Н. Н. Грамматический словарь. М.; П., 1924; Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Русская речь. Л., 1928. Вып. 2; Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977; Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978; он же. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005; Реформатский А. А. Очерки по морфологии, фонологии и морфонологии. М., 1978; Клобуков Е. В. Теоретические проблемы русской морфологии. М., 1979; Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988; Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М., 1989; Мельчук И. А. Курс общей морфологии. М., 1997–2006. Т. 1–5; Булыгина Т. В., Крылов С. А. Морфология // Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 2002; Русская грамматика. 2-е изд. М., 2005. Т. 1–2; Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа на материале германских языков. 2-е изд. М., 2007; Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. 3-е изд. М., 2009.